

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ПРЕПОЗИЦИОННЫХ КОМПОНЕНТОВ СЛОВА В АСПЕКТЕ КОНТЕКСТНОЙ СЕМАНТИКИ

Л.Б. Моргоева, И.Н. Цаллагова

В работе рассматриваются препозиционные словообразовательные элементы, склонные к самостоятельному лексическому значению и обнаруживающие формально-грамматические пересечения с некоторыми морфологическими классами в осетинском языке. Тесная морфолого-синтаксическая связь слов становится мотивирующим признаком при образовании новых лексических образований, статус которых требует специальных исследований и определения их компонентного состава. Лексический состав современного осетинского языка в обеих его диалектных формах содержит изрядное количество сложных слов с одинаковыми начальными компонентами, обнаруживающих частичную утрату собственного лексического значения и потому не способных отвечать требованиям композитного образования. Анализ таких препозиционных элементов, не имеющих до сих пор однозначно определенного статуса, показал их способность к функционированию в составе слова в качестве полноценных префиксов, поскольку их семантическое значение сводится к указанию направления или местоположения объектов по отношению друг к другу. Их усеченная форма, стремительная утрата собственной семантики и словообразовательная активность способствуют укреплению их префиксального статуса. Прогнозируемая востребованность этих препозиционных единиц связана с развитием публицистического и официально-делового стилей осетинского языка. Препозиционные элементы, выступающие в качестве эмоционально-оценочных интенсификаторов мотивирующего компонента в составе лексического образования, нами классифицируются как префиксоиды. Сохраняя собственное лексическое значение при самостоятельном функционировании, такие элементы активизируют коннотативные смыслы того слова, с которым вступают в словообразовательные отношения. Семантические особенности, которыми способны наделять слово выявленные префиксоиды, ограничивают сферу употребления в рамках тех стилевых разновидностей, в которых предполагается образность и эмоциональная оценочность.

Ключевые слова: словообразование, контекстная семантика, композит, префиксация, осетинский язык.

Изучение и классификация производных и сложных слов как номинаций объективной действительности в последнее время становится важ-

ной частью исследования языковых процессов в целом. Различные способы образования слов характеризуются привлечением разных морфем или их комплекса. Однако подвижность языковых единиц, в том числе и словообразующих, провоцирует появление новых форм и способов возникновения слов, а значит требует новых подходов к их исследованию.

Традиционно устоявшиеся принципы словообразования достаточно прочны и не подвергаются никакому сомнению и изменению. С их помощью образуются новые слова с различной семантикой в соответствии с требуемой морфологической направленностью. Они постоянные и для осетинского словообразования. Вместе с тем, словообразование не перестает ставить вопросы перед учеными, и в аспектах новых исследований отмечается признание его междисциплинарного статуса как межуровневого явления [1, 167]. В этом отношении повышенный интерес вызывают сложные слова, существующие в осетинском языке в огромном количестве, образование которых является результатом сложения двух слов на основе их синтаксической связи. Этим и объясняется возможность их слитного и раздельного написания, в зависимости от которого меняются оттенки внутренней семантики при сохранении общего смысла.

Сложные слова, состоящие из двух, реже трех, основ (корневых морфем с аффиксами), можно разделить на: а) соединительные, характеризующиеся как соединение двух равноправных основ при помощи сочинительной связи компонентов; б) определительные лексические образования строятся на основе подчинительной связи компонентов, являются собственно композитами, части которых находятся в падежном отношении друг к другу или один компонент определяется другим. Классификация композитов в дигорском диалекте осетинского языка аналогична и также основана на синтаксической связи между компонентами сложного образования.

В эту системную классификацию не совсем вписываются сложные лексические образования с начальным ир. *мид-* / диг. *мед-*, ир. *уæл-* / диг. *уæл-*, ир. *дæл-* / диг. *дæл-*, ир. *раз-* / диг. *раз-*, ир. *фæс-* / диг. *фæс*, ир. *хæд-* / диг. *хæд*, ир. *бын-* / диг. *бун-*, ир. *фыр-* / диг. *фур*, ир. *хæрз-* / диг. *хуæрз-*, ир. *фыд-* / диг. *фуд*, поскольку, в силу неоднозначности своей семантики и имеющимся признакам сходства с отдельными частями речи, их статус в современной лингвистической теории не определен. В лексикографических источниках они представлены как начальные части сложного слова, наравне со сходными лексическими единицами именных и служебных частей речи.

Специальных исследований представленных компонентов начальных слов до настоящего времени не проводилось. Между тем, в ряде источников, в том числе и учебных пособиях, можно встретить упоминания

о некоторых из них как о полуприставках, без мотивированного объяснения [2], в других источниках слова с их участием включаются в состав композитов и характеризуются как предлоги, исторически сросшиеся с управляемыми словами (*раздарæн* «передник», *уæларв* «на небе, небеса», *мидбылты худт* «улыбка», *фæсвæд* «окольный путь», *дæлвæз* «долина») [3]. По мнению В.И. Абаева – это формообразующие препозитивные элементы сложных слов, представляющие собой «старые наречия-предлоги» [4, 124]. С опорой на это же объяснение Н.Я. Габараев определяет их как «части сложных слов», считая единственным и достаточным аргументом их неспособность выступать в качестве компонента словосочетания как самостоятельного слова [5, 116]. В более поздних работах они выступают как «элементы, которые не употребляются как самостоятельные слова или испытывают заметную ограниченность в этом», но при этом подчеркивается их «служебное назначение», что «лишает их статуса равнозначного компонента сложения» [6, 71]. Напротив, Н.К. Багаев уверенно называет *раз-*, *фæс*, *дæл-*, *уæл-*, *мид-* живыми, но менее продуктивными приставками со значением направления действия с различными видовыми оттенками [7, 107]. Что касается начальных *хæд-* *фыр-* *бын-*, то отношение к ним еще более неоднозначное, поскольку они обособляются как «связанные элементы» [6, 71] и вовсе не упоминаются в качестве составляющих компонентов слова, а *фыд-* и *хæрз-* традиционно характеризуются как единицы с самостоятельным значением, участвующие в словосложении.

В существующих на сегодняшний день грамматиках дигорского варианта осетинского языка данный вопрос освещен так же неоднозначно. Так, в одном и том же труде в рамках одного раздела они сперва характеризуются как словообразующие элементы сложных наречий, с уточнением, что это бывшие предлоги [8, 68], а потом – как предлоги [8, 74], с вытекающими из этих определений нормами правописания, т.е. в первом случае написание слитное, во втором – раздельное. В другом источнике данные элементы характеризуются как предлоги, при этом отмечается, что все эти предлоги настолько «...лексикализованы, что они, как правило, срастаются с управляемым словом в единое сложное слово и проявляют себя как приставки» [9, 82].

Однако во всех источниках наблюдаются разночтения и в некотором роде путаница, поскольку данные словообразовательные элементы одновременно относятся к послелогам, соотносимым с именами (ир. *раз* / диг. *раз* «перед», ир. *бын* / диг. *бун* «дно»), с наречиями (ир. *дæле* / диг. *дæллай* «внизу», ир. *уæле* / диг. *уæллай* «сверху», ир. *фæстаæ*, *фæстейы* / диг. *фæсте* «позади, сзади», ир. *мидæг* / диг. *медæг* «внутри»). Кроме того, к предлогам относятся, помимо представленных, и варианты других отыменных пред-

логов, застывших в определенной падежной форме (преимущественно в родительном падеже), которые выступают в качестве самостоятельных неизменяемых частей речи, имеющих собственное предложно-последовательное значение.

Понятно, что такое разностороннее и размытое понимание представленных словообразующих элементов не способствует адекватному и точному определению их статуса в слове: являются ли они полнозначной морфемой или самостоятельной основой внутри композита. Осложняющим фактором выступает и морфологический строй осетинского языка, в котором наблюдается высокая подвижность частей речи и их переход из одного морфологического состояния в другое, в зависимости от контекста, в котором они используются. Со временем компоненты сложного слова претерпевают некоторые изменения, как семантические, так и фонетические, которые проявляются преимущественно во второй своей части при усечении части исходного компонента или при образовании грамматических форм [10]. Так произошло со словами: ир. *уæлмæрд* «кладбище» – *марды уæлæ* «поверх покойника»; ир. *уæливых* «пирог (национальный)» – *уæлейы фых* «наверху испеченный»; диг. *уæлазар* «гнет, страх, ужас»; диг. *уæлахсæг* «свежие сырки» – *уæллаей ахæст* «пойманные наверху (на поверхности створоженного молока)»; ир. *фæсдзæуин* «прислужник, слуга» – *фæстейы цæуæг* «позади идущий»; диг. *фæснах* «сзади, с тыла, за спиной» – *нахæти фæсте* «позади задней части лука седла»; диг. *фæсаууон* «за глаза, заочно, в отсутствие» – *аууони фæсте* «за тенью»; ир. *хæдмæл* «дохлый (о животном)» – *йæхæдæг чи амард, ахæм* «умерший своей смертью»; диг. *хуæдухст* «тот, кто любит сам во все вмешиваться»; ир. *дæларм* «подмышка» – *армы дæле* «под рукой»; ир. *дæлдзæх* «бездна, пропасть» – *зæххы дæлæ* «под землей»; и т.д.

Препозиционное место данных компонентов в сложных словах способствует их функционированию в качестве словообразующих аффиксов, поскольку в редких случаях встречается и обратное расположение составляющих компонентов, дающих совсем иное значение. Сравним: *дæлгоммæ* «ничком» – от *ком дæлейы* «лицом (букв. ртом) вниз» и *комдæл* «пояс брюк, кулирка, через которую продевается шнур».

Присутствие рассматриваемых компонентов в осетинских словах – явление распространенное, так же как и участие их в образовании новых слов. Это позволяет нам рассматривать их словообразовательные функции в качестве превербов при образовании новых слов. Это говорит о двойственной природе рассматриваемых элементов, когда они в определенной грамматической форме имеют самостоятельное хождение и могут выступать в качестве словообразующих морфем, то есть способны иметь

«структурные и семантические свойства корневых и аффиксальных морфем» [11, 36].

Промежуточный характер отдельных словообразующих морфем отмечался многими учеными, которые пытались объяснить природу этого языкового феномена и разработать критерии их определения, в числе которых были как зарубежные (Д. Алджео, Г. Марчанд, Г. Пауль и др.), так и отечественные лингвисты (Е.С. Кубрякова, К.А. Левковская, Н.М. Шанский и др.). Не ослабевает интерес к данной единице и в настоящее время, вовлекая в обсуждение данной проблемы исследователей разных языков [12; 13]. В основном внимание привлекали постпозиционные элементы. При этом используются разные термины (полусуффиксы (Степанова, 1953, Мирчанд, 1960), суффиксоиды (Веселов, 1969), субаффиксы (Крашенинникова, 1965). Встречались и различные терминологические обозначения: «относительно свободные морфемы» (Кубрякова, 1964), «полнозначные слова, выступающие в роли суффиксов» (Мешков, 1976), «суффиговые элементы» (Григорьев, 1956) и др. [14]. В силу того, что данный языковой феномен имеет не только постпозиционный, но и препозиционный характер, в современной лингвистике для его обозначения чаще встречается синонимичные термины аффиксоид и полуаффикс, охватывающие оба позиционных варианта [15, 290].

Между тем некоторые ученые проводят смысловую дифференциацию этих двух терминов, основываясь на количестве производных, степени сохранения лексического значения, способности / неспособности к самостоятельному употреблению [16]. Другие ученые основной акцент делают на формальное совпадение данных элементов с основой свободно функционирующего слова, их этимологическую связь и семантическое сходство, допуская при этом определенную степень переосмысления [17]. Для проведения некой градации в иерархии аффиксоидов предлагается основываться на фиксированной регулярности присутствия повторяющихся компонентов в сложениях и продуктивности этих словообразовательных моделей [14].

Сложные лексические единицы с рассматриваемыми компонентами, выявленные нами в осетинском языке, обнаруживают явную этимологическую связь с самостоятельно функционирующими служебными словами (послелогоми), которые, вероятнее всего, исторически восходят к полнозначным именным или глагольным единицам лексики. Что касается степени их семантического переосмысления в составе слова, то на нее существенное влияние оказывает как само формальное слияние с другой лексической единицей (комполит), так и его контекстное окружение, в котором возможно акцентирование или стирание исходной семантики.

Наиболее явно это просматривается в образованиях с компонентами в ир. *бын-* / диг. *бун*, ир. *фыр-* / диг. *фур*, ир. *хæд-* / диг. *хуæд* и несколько отличных от них словообразующих элементов ир. *хæрз-* / диг. *хуæрз*, ир. *фыд-* / диг. *фуд*. Сходство и соотнесение данных препозиционных единиц с другими частями речи в осетинском языке серьезным образом влияет на определение их статуса в системе словообразования. Между тем, существуют схожие прецеденты и в других языках, когда обнаруживается совпадение префиксов со служебными частями речи как ир. *раз-* / *раз* = рус. *пред-* / *перед*; ир. *фæс-* / *фæстæ* = рус. *после-* / *после*; ир. *бын-* / *бын* = рус. *под-* / *под*, так же как статус приставки в русском языке приобрели *гипо-* (от греч. *hípo* «внизу», «внизу», «под»), *инфра-* (от лат. *Infra* «под»). Кроме того, значение приставки может варьироваться в зависимости от корневой морфемы, с которой взаимодействует, как в случае с латинской приставкой *интер-*, которая соответствует русскому варианту *меж-* и, в отдельных случаях, имеет значение «вовнутрь». Все это дает основания для серьезного пересмотра рассматриваемых префиксальных единиц в осетинском языке с целью признания их полноценного функционирования в качестве префиксов, невзирая на формально-семантическое схождение с наречиями и послелогом.

Суть приводимых различий между префиксами и префиксоидами заключается в том, что первые, будучи словообразовательными морфемами, «реализуют по преимуществу понятийную функцию, выступая в семантическом отношении как сигнификативы, как средство языкового опредмечивания отношений между денотативными составляющими концепта» [18, 36–43], тогда как префиксоиды, формально являясь корневыми морфемами, реализуют предметную функцию, «выступая как денотативы, как средство обобщенного именованья тех предметных областей, с которыми связаны образуемые при их посредстве производные слова» [18, 36–43]. Такое определение префиксов, на наш взгляд, полностью отвечает характеру функциональной семантики рассматриваемых единиц в составе слова, что ставит под сомнение их отношение к префиксоидам.

Препозиционные единицы *раз-* / *пред-* и *фæс-* / *пост-* (за-) антонимичны и указывают на позиционное расположение, предшествующее или следующее непосредственно за тем, что названо мотивирующим элементом или после него [19, 254]: 1) ир. *фæсаходæн* «после завтрака», ир. *фæсахуыр* «после учебы», ир. *фæскуыст* «после работы», диг. *фæсарæфтæ* «послеполуденное время», ир. *развæлгъау* «преждевременно», ир. *разныхас* «вступительное слово», диг. *разафонаæ* «безвременно», диг. *развæдæн* «предшествующий» – имеют временной оттенок; 2) ир. *фæсæфцæг* «за перевалом», ир. *фæсвæндаг* «за дорогой (в стороне)», ир.

фæскъул «за стеной», диг. *фæстаггат* «за домом (задняя часть дома)», ир. *развæндаг* «впереди лежащая дорога», ир. *раззæрдæ* «предсердие», диг. *раздæуæг* «вождь, лидер (впереди идущий)» – имеют пространственный оттенок.

Пара препозиционных единиц *дæл-* / под- и *уæл-* / над- (на-) по своему значению также антонимична и указывает на условно вертикальное расположение чего-либо, относительно того, что названо мотивирующим элементом: ир. *дæлдон* «подводный», ир. *дæлвæд* «нижняя тропа», ир. *дæлдзæх* «подземный», диг. *дæлтæфалае* «нижнее веко», диг. *дæлтæрæ* «нижняя часть очага», ир. *уæларт* «над огнем», ир. *уæлæдарæс* «одежда (носимое сверху)», ир. *уæлкæсæр* «верхняя часть входа», диг. *уæластæн* «сверх намеченного», диг. *уæлазгъунст* «надстройка», диг. *уæларттаг* «члены одного очага, дома, семьи» и др.

Значение расположения/размещения имеют и слова с начальным *мид-* / внутри- (в-), указывающее на содержание чего-либо в самом себе, то есть в том, на что указывает мотивирующий элемент: ир. *мидæгъдау* «внутренний распорядок», ир. *мидуавæр* «внутреннее положение», ир. *мидхъуыды* «дума, невысказанная мысль», ир. *мидбынат* «на (своем) месте», диг. *медханс* «внутри бурьяна», диг. *медфеппарз* «возле /вокруг очага», диг. *меднимæр* (*дзорун*) «(говорить) про себя», диг. *медадæн* «среди людей», диг. *медуага* «внутреннее состояние», диг. *медæнсура* «коренной зуб» и др.

Лексические образования с начальным *хæд-* / само- (авто-) содержат значение направленности чего-либо на самого себя или происходящего/совершаемого без посторонней помощи, произвольно: ир. *хæдахуыр* «самообразование», ир. *хæдгуыргæ* «самородок», ир. *хæдфысгæ* «самопишущий», ир. *хæдбар* «самостоятельный», диг. *хуæдарца* «вооруженный копьем», диг. *хуæдæлдар* «вольный, свободный, независимый», диг. *хуæдефтонг* «самоподготовка» и др.

Во всех случаях мы имеем некоторое количество слов с указанными компонентами, мотивирующий элемент которых слабо считается, что напрямую связано с давностью их образования. Этот процесс Н.Я. Габа-раев называет «опрощением» [6, 106–107], хотя «простота» тут, на наш взгляд, достаточно условна, поскольку при семантическом «раскрытии» этих слов, со временем ставших цельными единицами, мы получаем сложные понятийные конструкции типа *уæлдæф* «воздух» – *уæл+тæф* «верх+запах», *уæларв* «небеса» – *уæл+арв* «верх+небо», *разгом* «национальная одежда осетинских женщин» – *раз+гом* «перед открытый», *хæддзу* «самотек» – *хæд+цу* «сам+иди», *хæдмæл* «дохлый» – *хæд+мæл* «сам+умирай», *раздарæн* «передник» – *раз+дарæн* «впереди+носимое», *фæсарæн* «заграница» – *фæс+арæн* «за + граница» и др.

Подобное «стирание» морфемных границ претерпели лексические единицы, возникшие на более раннем этапе появления способа сложения, когда различные типы номинаций имели преимущественно описательный характер. Многие из них со временем приобрели концептуальные смыслы.

Логично будет предположить, что, возможно, изначально это были свободные словосочетания, компоненты которых позднее в усеченном виде слились в одно целое лексическое образование, классифицируемое как сложное слово (комполит). Использование одних и тех же начальных элементов в образовании новых слов привело к частичной утрате их собственного лексического значения и появлению новых словообразовательных функций с признаками самостоятельной морфемы. На этом этапе возник вопрос о признании / непризнании их в качестве самостоятельной префиксальной единицы, и мнения ученых не всегда совпадали.

Между тем, количество лексических единиц с рассматриваемыми префиксальными единицами заметно возросло. По сравнению с первым наиболее полным лексикографическим источником [20], в котором обнаружены по 3-6 слов с каждым из представленных компонентов, в современных словарях насчитывается 30-50 лексических единиц и производных от них [21]. Наблюдения показали способность данных препозиционных единиц к известной вариативности, поскольку они изменяют свою грамматическую форму и образуют слова разных морфологических классов. Кроме того, отмечена их способность сочетаться с одними и теми же корневыми морфемами, образуя: а) антонимические пары (*уæлдон* «надводный» – *дæлдон* «подводный»; *дæларм* «подмышка (букв. под рукой)» – *уæларм* «кисть руки (букв. над рукой)», *разæфтуан* «префикс» – *фæсæфтуан* «постфикс», *хæдбар* «независимый» – *дæлбар* «зависимый, подчиненный» и др.); б) варианты со смысловыми пересечениями, тяготеющие к синонимии (*хæдæгъдау* «приличный, порядочный», *мидæгъдау* «внутренний порядок, закон», *мидахаст* «настроение, внутреннее отношение, нрав», *хæдахаст* «личное отношение, состояние»).

Современные словообразовательные процессы, происходящие с участием рассматриваемых компонентов, указывают на устойчивый рост их потенциальных возможностей в качестве самостоятельных аффиксов. Наиболее востребованными они могут оказаться в научной сфере, медицине, и при формировании общественно-политической лексики.

Особое место в системе осетинского словообразования занимают препозиционные единицы ир. *хæрз-* / диг. *хуæрз*, ир. *фыд-* / диг. *фуд* с хорошо сохранившейся собственной семантикой, при этом чрезвычайно востребованные в словотворчестве. Рассматривая их компонентный состав,

четко просматривается словосложение, то есть слияние двух корневых морфем. Однако варианты лексических образований с этими компонентами в большинстве своем наделены коннотативными компонентами двух направлений: семантическим компонентом предельной степени присутствия признака, качества или абсолютного его отсутствия. Во всех случаях участие в слове одного из этих компонентов наделяет слово соответствующей оценкой с маркировкой *хорз/æвзæр* «плохо/хорошо»: а) *хæрзаив* «прекрасный, великолепный», *хæрзахуыр* «хорошо обученный», *хæрзконд* «великолепно слаженный», *хæрзхъæд* «добротный, высококачественный», *хæрзифтонг* «основательно снаряженный» и др.; б) *фыдæвзаг* «злой на язык», *фыдзонд* «злонравный», *фыднлат* «дерзкий, бесстыдный», *фыдцæф* «жестокий удар», *фыдысмаг* «зловоние» и др.

Кроме того, словообразующие компоненты ир. *хæрз-* / диг. *хуæрз*, ир. *фыд-* / диг. *фуд* составляют антонимическую пару и могут взаимодействовать с одними и теми же корневыми морфемами или основами (ир. *фыдæх* / диг. *фудæнхæ* «немилость, вражда» – ир. *хорзæх* / диг. *хуæрзæнхæ* «милость, благоволение, награда»; ир. *фыдуаг* / диг. *фудуаг* «злонравный, балованный» – ир. *хæрзуаг* / диг. *хуæрзуагæ* «добронравный, порядочный»).

Особенность препозиционного элемента *фыд* / *фуд* «зло, злой», «дурной» заключается в его семантической насыщенности, благодаря которой лексические образования с его участием могут приобретать различные коннотативные оттенки минусовой полярности, которые отражаются на общей семантике слова. Помимо этого, в дигорском варианте осетинского языка этот элемент употребителен в значении «вина» (*мæ фуд зонун* «свою вину знаю»). Вместе с тем, в качестве самостоятельного прилагательного со значением «дурной» наиболее употребительны ир. *æвзæр* и диг. *лагъуз*. Употребляется также в значении наречия «очень» и как послелог со значением «из-за», «по недостатку» (ир. *фыдæй* / диг. *фудæй*). Сравнительная степень от ир. *фыд* / диг. *фуд* (ир. *фыддæр* / диг. *фуддæр*) «худший, хуже» является отголоском супплетивизма в осетинском языке [22]. Между тем, сравнительная степень ир. *фыддæр* / диг. *фуддæр* является более употребительной в осетинском языке по сравнению с формами ир. *æвзæрдæр* / диг. *лагъуздæр* того же значения. В этом отношении отмечается функционально-грамматическое сходство с самостоятельным *хæрз* «совершенно, совсем» как с семантически равноправным вариантом с ослабленной гласной от *хорз* «хороший, хорошо» [22]. Ф.М. Таказов проводит четкое разграничение между *хуæрз* как наречием «очень, весьма; совсем, совершенно; вполне» (*хуæрз еунагæй* – совершенно один, в одиночестве) и *хуæрз* – как начальной частью сложного слова «хороший, добрый; совершенно, очень» [23, 596].

Как препозиционные элементы словоформ данные аффиксоиды могут сочетаться не только с нейтральными или однополярными основами, но и с противоположными по своей эмоционально-оценочной нагрузке словами. Сравним: *хæрзсæфт* «гибель, катастрофа» – от *хорз+сæфт* «хорошо+пропавший», *фыдрæсугъд* «невероятно красивый» – от *фыд+рæсугъд* «зло+красота». Такие варианты во всех случаях могут быть только со значением совершенной степени проявления признака, качества, поэтому их вполне можно классифицировать как аффиксоиды, поскольку они уже не выполняют функцию самостоятельного слова внутри лексического образования (Nicht-mehr-Wort), но еще не стали полноценными аффиксами (Noch-nicht-Affix) [24, 25].

Последние два словообразовательных компонента ир. *хæрз-* / диг. *хуæрз*, ир. *фыд-* / диг. *фуд* резко отличаются от остальных частично сохраняющимся лексическим значением внутри слова, способностью употребляться самостоятельно и высокой деривативной активностью. Именно они выступают в составе слова интенсификаторами его экспрессивно-оценочных компонентов. «Семантические категории интенсивности занимают промежуточное положение между объективными и субъективно-прагматическими семантическими категориями. К последним относятся категории экспрессивности, эмотивности, оценки и образности» [25, 176], которые создают и активизируют в слове данные компоненты.

К числу таких интенсификаторов можно причислить многозначное ир. *бын* / диг. *бун* «корень, основание, подножие, низ, дно, наследство, погибель, разорение» [2], которое в префиксальной позиции может указывать на предельность признака, качества со значением «совершенно, совсем»: ир. *бынсæфт* «совсем пропавший», ир. *бынхæлд* «совершенно разрушенный», ир. *бынсыгъд* «основательно сожженный (до тла)», диг. *буниронх* «совсем забытый», диг. *бунсайд* «совсем обманутый». Словообразовательные варианты с таким значением ограничены, и можно лишь говорить о тенденции движения данного компонента к статусу аффиксоидов.

Анализ сложных лексических образований с препозиционными элементами, имеющими самостоятельную смысловую составляющую, показал активную динамику роста продуктивности, что спровоцировало еще большее сближение этих элементов с префиксами: их спорный статус префиксоидов вполне оправданно сменяется на статус полноценных словообразующих морфем. Несмотря на свойственное осетинскому языку варьирование общего значения лексической единицы в зависимости от контекстного окружения, образования с компонентами *раз-*, *фæс-*, *мид-*, *дæл-*, *уæл-*, *хæд-* вполне соответствуют собственно приставкам. Этому способствует их усеченная форма, не используемая в самостоятельном виде,

а также наличие основного значения указания на позиционные отношения означаемых объектов.

Несколько иную характеристику получают компоненты *хæрз-*, *фыд-*, реже *бын-*: в силу широкого диапазона семантической сочетаемости образования с их участием наделяются дополнительными коннотативными смыслами. При этом функционально они выполняют роль интенсификаторов семантики второго (основного) компонента слова. Несмотря на высокую словообразовательную продуктивность, они полностью сохраняют свое собственное лексическое значения и могут выступать в качестве таковых. Именно поэтому их статус определяется как префиксоиды.

1. *Kotorova E.* Word-formation as an interfase phenomenon // *Slavische Wortildung im Vergleich. Theoretische und pragmatische Aspekte.* Münster – Hamburg – London: LIT-Verlag (=Slavica Varia Halensia, Bd. 12), 2014. P. 163–178.

2. *Дзодзикова З.Б.* Современный осетинский язык (фонетика, лексика и фразеология, словообразование): учебное пособие. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2017. 160 с.

3. *Грамматика осетинского языка.* В 2-х т. / под ред. Г.В. Ахвледиани. Орджоникидзе: Республиканская книжная типография, 1963. Т. I. Фонетика и морфология. 368 с.

4. *Абаев В.И.* Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. 197 с.

5. *Габараев Н.Я.* Об основных типах сложных слов в современном осетинском языке // *Известия ЮОНИИ.* Вып. XII. 1963. С. 107–142.

6. *Габараев Н.Я.* Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке. Тбилиси: «Мецниереба», 1977. 175 с.

7. *Багаев Н.К.* Современный осетинский язык. В 2-х ч. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. Ч.1. Фонетика и морфология. 487 с.

8. *Исаев М.И.* Дигорский диалект осетинского языка. М.: Наука, 1966. 221 с.

9. *Таказов Ф.М.* Грамматический очерк осетинского языка. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВЦ РАН И РСО-А, 2009. 164 с.

10. *Morgoeva L.B., Tsallagova I.N.* Dialect polysemia as a source of interpretation of language signs // *Advances in social science, education and humani-*

ties research Proceedings of the International Conference «Topical Problems of Philology and Didactics: Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences» TPHD 2018. Editor Kh. Dz. Shambezoda, 2019, pp. 332–335.

11. Ваганова Н.В. Морфемный статус препозитивного элемента multi- (мульти-) в английском и русском языках // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. №1 (2). С. 36–40.

12. Dunn J.A. The role of English in the development of modern Russian // Sprachwandel in der Slavia: die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Hrsg. Lew N. Zybatov. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000. P. 87–101.

13. Stevens Ch. Revisiting the Affixoid Debate: On the Grammaticalization of the Word // Grammatikalisierung im Deutschen. Hrsg. Leuschner T., Mortelmans T., De Groot S. Berlin: de Gruyter, 2005. P. 71–83.

14. Гущина Л.Н. К вопросу об аффиксоидах // Журнал ГМУ. 2003. №2. С. 19–24.

15. Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation: A Synchronic Diachronic Approach. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1960. 379 p.

16. Бартков Б.И. Английские суффиксоиды, полусуффиксы, суффиксы и словарь 100 словообразовательных формантов современного английского языка (научный стиль и литературная норма) // Аффиксоиды, полуаффиксы и аффиксы в научном стиле и литературной норме. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1980. С.3–62.

17. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М.: Высшая школа, 1984. 264 с.

18. Кушнир О.Н. Актуализация лингвокультурных концептов, вербализованных заимствованными префиксами и префиксоидами // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. 2011. Вып.2. С.36–43.

19. Шишкина А.А. Особенности именной префиксации в словообразовательных процессах начала XXI века // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. 2008. №6. С. 252–255.

20. Миллер В.Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь / под ред. и с дополнениями А.А. Фреймана. Т.1. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. 618 с.

21. Осетинско-русский словарь / под ред. Т.А. Гуриева. Владикавказ: Алания, 2004. 540 с.

22. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 665 с.

23. Таказов Ф.М. Дигорско-русский словарь. Владикавказ: Алания, 2003. 869 с.

24. *Donalies E.* Die Wortbildung des Deutschen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. 2005. 192 p.

25. *Скачкова Е.В.* Экспрессивно-оценочная семантика словообразовательных интенсификаторов в современном русском языке (на материале компьютерно опосредованной лексики) // Вестник Челябинского государственного университета. №4 (426). Филологические науки. 2019. Вып. 116. С.176–182.

Morgoeva, Larisa B. – V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); Lalik_m@mail.ru

Tsallagova, Iskra N. – V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); czallagon@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE STATUS OF THE REPRESENTATIVE COMPONENTS OF THE WORDS IN THE ASPECT OF CONTEXTUAL SEMANTICS

Keywords: word formation, contextual semantics, composite, prefixation, Ossetian language

The paper considers prepositional word-formation elements, prone to independent lexical meaning and revealing formal-grammatical intersections with some morphological classes in the Ossetian language. The close morphological and syntactic connection of words becomes a motivating sign in the formation of new lexical formations, the status of which requires special studies and determination of their component composition. The lexical composition of the modern Ossetian language in both its dialect forms contains a fair amount of complex words with the same initial components, revealing a partial loss of their own lexical meaning and therefore not able to meet the requirements of composite education. An analysis of such prepositional elements, which still do not have a uniquely defined status, showed their ability to function as part of a word as full-fledged prefixes, since their semantic meaning reduces to indicating the direction or location of objects with respect to each other. Their truncated form, the rapid loss of their own semantics and word-formation activity contribute to the strengthening of their prefix status. The predicted demand for these prepositional units is associated with the development of the journalistic and official business styles of the Ossetian language. Prepositional elements, acting as emotional-evaluative intensifiers of the motivating component in the lexical education, we classify as prefixoids. Preserving their own lexical meaning during independent functioning, such elements activate the connotative meanings of the word with which they enter into word-formation relations. The semantic features that the identified prefixoids are able to endow with the word limit the

scope of use within the framework of those stylistic varieties in which imagery and emotional appraisal are assumed.

REFERENCES

1. Williams, J. *Theory and the Novel: Narrative Reflexivity in the British Tradition*. Cambridge, 1998. 204 p.
2. Mamieva, I.V. *Institut epicheskogo skazitel'stva na Severnom Kavkaze: universalii i etnospecifika* [Institute of epic storytelling in the North Caucasus: universals and ethnospecifics]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2012, iss.8 (47), pp. 61–79.
3. Marzoev, I.T., Abdollahi, M. *Genealogicheskij aspekt izucheniya nartovskogo eposa* [Genealogical aspect of studying the Narts' epic]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2018, iss. 27 (66), pp.50–58.
4. Abaev, V.I. *Nartovskij epos osetin* [Nartovsky epos of Ossetians]. Abaev V.I. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, 1990. Vol.1. 631 p.
5. Dyumezil', ZH. *Osetinskij epos i mifologiya* [Ossetian epics and mythology]. Moscow, 1976. 276 p.
6. Sattsaevev, E.B. *Mifologicheskij i lingvisticheskij podhod k нравственным критериям поведения героев осетинского нартовского епоса* [Mythological and linguistic approach to the moral criteria of behavior of the heroes of the Ossetian Nart epic]. *Nartovedenie v XXI veke: sovremennye paradigmy i interpretacii* [Narts Studies: Modern Paradigms and Interpretations]. 2017, iss. 4, pp. 164–170.
7. Gutieva, E.T. *Istoricheskoe lico epicheskoi Shatany* [Historical face of the epic Shatana]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2016, iss. 19(58), pp. 116–130.
8. *Narty Kaddjyta. Iron adamy epos* [Narts' sagas. Epics of the Ossetians]. 1 chynug [1st volume]. Dzaudjykhau, Iriston. 2003. 592 p.
9. Ivanov, Vyach.Vs. *O mifopoeticheskikh osnovah latyshskih dajn* [Mythopoetic bases of the Latvian dynes]. *Balto-slavyanskije issledovaniya* [Balto-slavic researches]. Moscow, 1986, pp. 3–28.
10. Wright, M. *The Lost Plays of Greek Tragedy: Aeschylus, Sophocles and Euripides*. London, 2018. Vol. 2. 320 p.
11. van Gelder, G.J. H. *Close Relationships: Incest and Inbreeding in Classical Arabic Literature*. I.B.Tauris, 2005. 278 p.

12. Boyce, M. *A History of Zoroastrianism: Volume II: Under the Achaemenians*. Leiden-Köln, 1982. 297 p.
13. Bagaev, A.B. *Kon' v nartovskom epose osetin* [Horse in the Ossetian Narts' epics]. *Voprosy literatury i fol'klora* [Questions of literature and folklore]. 2018, iss. 10, part 1, pp. 4–21.
14. Gutieva, E.T. *Drevnij sakral'nyj motiv v tekste kadaga «Bezymyannyj syn Uruzмага»* [Ancient sacred motif in the saga "The Uryzmag's Unnamed Son"]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra* []. 2014, vol. 14, no. 1, pp. 8–12.
15. Mamieva, I.V. *Motiv pamyati-zabveniya v nartovskom epose osetin* [Memory-oblivion motif in the Narts' epic of Ossetians]. *Nartovedenie v XXI veke: sovremennye paradigmy i interpretacii* [Narts Studies: Modern Paradigms and Interpretations]. 2017. iss. 4, pp. 118–123.
16. Dziccojty, YU.A. *Nart Uruzmag i ego synov'ya* [Nart Uruzmag and his sons]. *Osetinskaya filologiya: Istorija i sovremennost'* [Ossetian philology: History and Modern Times]. Vladikavkaz, 1999, iss. 3, pp. 318–330.
17. Dzhapua, Z.D. *Abhazskie arhaicheskie skazaniya o Sasrykua i Abryskile* [Abkhaz archaic tales of Sosrikua and Zabriskie]. Suhum, 2003. 400 p.
18. Mechnikov I. I. *Etudy o prirode cheloveka* [Etudes about human nature]. St.Petersburg. 2016. 320 p.
19. Brogden, M. *Geronticide: Killing the Elderly*. London and Philadelphia, 2001. 192 p.
20. Besolova, E.B. *Mif o rozhdenii cherez smert' v nartiade* [The myth of birth through death in Nartiada]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2017, no. 4, pp. 58–66.
21. Brüder Grimm: *Kinder- und Haus-Märchen*. Band 1. Berlin 1812. P.355-356.
22. Gutieva, E.T. *Motiv usechyonnoj golovy v nartovskom epose osetin* [Motif of the truncated head in the Narts' epic of the Ossetians]. *Voprosy literatury i fol'klora* [Questions of literature and folklore]. 2018, iss. 10, part 1, pp. 68–83.
23. *Narty Kaddjyta. Iron adamy epos* [Narts' sagas. Epics of the Ossetians]. 2 chynug [1st volume]. Dzaudjykhou, Iriston. 2004. 896 p.
24. *Heads Will Roll: Decapitation in the Medieval and Early Modern Imagination*. Leiden-Boston, 2012. 370 p.
25. Gutieva, E.T., Malcor, L.A. *Off with their heads! «Sir Gawain and the green knight» and the Nart Sagas*. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of

the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2017, iss. 26(65), pp. 92–102.

26. Bajburin, A.K., Toporkov, A.L. *U istokov etiketa* [At the origins of etiquette]. Leningrad, Nauka. 1990. 165 p.

27. Malory, Th. *Le Morte d'Arthur. King Arthur and of his Noble Knights of the Round Table.* London Macmillan. 1897. 509 p. <https://archive.org/details/lemortedarthursi00malouoft/page/508/mode/2up>

28. Hadzhieva, T.M. *Motiv chudesnogo rozhdeniya v nartskom epose karachaevcev i balkarcev* [Motif of the miraculous birth in the Nart epic of Karachay and Balkars]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Dagestan State pedagogical University]. 2016, vol.10, no. 4, pp. 134–139.